

Жемчужина коллекции

Дмитрий Поляшенко

Из вежливости спросил, не до меня ему сейчас было.

Я пожал плечами. Кресло было удобным, почти лежащим.

— Нормально. Подумываю о расширении. В планах — экскурсии под антарктический ледовый щит. Жаль, на Марсе водоемы пока мелковаты — вброд перейти можно. Туристы к нам валом валят, чтобы пройтись по дну Марианской впадины, постоять на капитанском мостике «Титаника», увидеть подводное извержение вулкана. Технология наконец сделала доступной всю поверхность Земли, которая раньше была скрыта многокилометровой толщей воды.

Следжер кивнул, не слушая, и забегал снова. Я с иронией следил за ним.

— И что, — спросил его, — неужели нету спроса на вашу продукцию?

— Не в этом дело! — Следжер бухнулся на подвернувшийся пуфик, забыв о своем кресле. Он то кусал ногти, то сжимал кулаки.

Я сделал большой глоток, благосклонно шевельнул бровью и стал оценивать свои ощущения. Неплохо, неплохо, но... Последние сомнения отпали: тридцать два года выдержки, юг Франции, причем среднеосвещенная сторона холма. Наверное, я мог бы стать неплохим сомелье.

— Тогда, может быть, НАСА запретило?

Следжер отрицательно мотнул головой. Я задумался:

— Ну тогда... решено брать плату за пролет ваших аппаратов как за частного транспорта?

— Нет, все это совершенно ни при чем! Моя коллекция...

— О!.. — Сдаваясь, я поднял ладони.

Если я трачу лишние деньги, то именно на раритетные вина, которые могу выпить, всласть налюбовавшись пыльной бутылкой. Впрочем, употребить «шамбертэн» с походного стола Наполеона, который он не успел открыть перед битвой при Ватерлоо, признаюсь, до сих пор не поднимается рука. Больше такого нету.

А вот в отличие от меня Следжер вбухивает семизначные суммы в абсолютно несъедобные и бессмысленные безделицы. Например, в пишущую машинку Герберта Уэллса, ноутбук Лукьяна Василевского, перьевую ручку Морозкина, личный арифмометр фон Неймана, телескоп Гершеля, школьную шпаргалку Эйнштейна, рогатку Степухина. Конечно, все эти вещи уникальны, но стоит ли каждая из них состояние, чтобы ею только любоваться?

И тут меня осенило:

— Неужели ты упустил открывалку барона Хеннеси?

Дело в том, что Следжер мне все уши прожужжал о желании приобрести ее за любые деньги. Но ответ оказался неожиданным:

— Нет, Фоб. На той неделе вся моя коллекция ушла с молотка. Ты, видно, газет не читаешь.

— Вся? Тебе понадобились деньги?

— Совсем нет. Просто теперь я коллекционирую другое. Пойдем. — И он сорвался с места.

Я нехотя покинул кресло, продолжая дегустацию уже на ходу. Ноги стали ватными, шел я осторожно. Собственно, дегустация закончилась, теперь я просто пил коньяк.

Следжер убежал далеко вперед. Дом у него немаленький, и все же я удивился, озираясь на пороге просторного зала с плотно зашторенными окнами. Вокруг на низких подиумах громоздились железяки — крашенные, сверкающие, ржавые. Некоторые из них показыва-

Я обнял ладонью каплеобразный бокал. Следжер вновь забегал передо мной. Никогда не видел вице-президента «Тайм спэйс сенчури» в таком состоянии.

— Да успокойся ты! — попросил я и отпил глоточек «Царицы Марса». Нет, врут: это сделано на Земле... Я вдохнул воздух над краем бокала. Точно, Земля. Лет тридцать выдержки. На Марсе тогда не было никаких поселений. И уж тем более никаких парниковых плантаций. Но разве важно где и когда сделано, если пьется хорошо? Как говорится, главное — на Земле, главное — в коньяке.

Круто развернувшись, Следжер уставился на меня:

— Как твоя «Дип си абисс»?

ФАНТАСТИКА

лись мне знакомыми. Я пригляделся. Круглая вогнутая крышка, выложенная изнутри потемневшими зеркалами...

— Да, да! — нервно сказал Следжер, бросив взгляд в мою сторону. — Это солнечная батарея с русского лунохода.

— А это? — указал я бокалом.

— Заборник образцов грунта с «Викинга-1». То есть та дурацкая штанга, что торчит, как вывихнутая пятая нога.

Я огляделся. Легкое дежа вю не отпускало. Я это уже видел раньше. Где? В энциклопедиях по истории техники? В документальных фильмах про освоение космоса?

— ...Утерянный «Фальстафом» контейнер с образцами грунта Титана, — на манер раздраженного экскурсовода бубнил над моим ухом Следжер. — Экспедицию пришлось повторить через два года, так как контейнер тогда не нашли. В новостях об этом много говорили. — Я помню.

— ...Фрагменты автоматической станции «Бигль», замолчавшей при полете к Марсу. Я с неделю собирал металлоискателем обломки, которые оказались рассеяны на двенадцать миль. Ну и так далее.

— Позволь, но это незаконно, — наконец возразил я. — Чья-то собственность, пусть даже утерянная.

Следжер пожевал губами, глянул на зашторенные окна.

— Это мое новое хобби. Фоб, это — настоящее!

— Конечно, это же оригиналы.

— Да, черт возьми, но на это стоит тратить силы! В одном экземпляре, сделано вручную! Все это работало в космосе, а не пылилось в шкафу пластмассовыми модельками. Мировая известность! Знаешь, сколько стоит простой болт с первого прилунившегося «Аполлона»? А слепок следа ботинка Армстронга рядом с ним? Вот!.. Мне уже делают заказы. И знаешь кто?

— Наверное, те же, кто грабит усыпальницы фараонов.

— Фоб! — рявкнул Следжер. — Это известные богатые люди, которым стало тесно на Земле с ее марками, вазами династии Мин и музейной пылью. Понял, вот так!.. Говоришь, чья-то собственность? Ха-ха! По Солнечной системе за сто лет освоения расползлись тысячи аппаратов, и большинство из них давным-давно стало мусором. Свалка истории техники!.. Кстати, а хоча, чтобы ты помог мне поднять останки «Мира» со дна Тихого океана.

— Ты выбираешь то, что стало легендой. Ладно, без проблем.

— Спасибо. Конечно, легендой! Не буду же я отламывать на сувениры причальные огни у работающей международной космической станции «Омега»!

— А это идея. Фишка в том, чтобы огни продолжали мигать. Увеличит цену.

Дернув усом, Следжер мрачно посмотрел на меня:

— Тебе нравится этот коньяк?

— Да. Настоящий, французский.

Тут он аж задохнулся:

— Проходимец! То-то он показывал мне свою «марсианскую лозу» издала, сквозь стекло. «Условия в парнике нестабильны!»

— Переплатил? — посочувствовал я.

— Как сказать, — ухмыльнулся Следжер. — Я чувствовал подвох, но не понимал, в чем он. За ящик «марсианского» коньяка отдал манипулятор с «Мидаса», с нелетавшего аналога. Это просто кусок металла. Для достоверности я ободрал его в пескоструйке, а еще

заклинил в титановой клешне марсианский бульжник, который там же, возле «парника», и подобрал.

— Считай, вы квиты. По земным меркам коньяк более чем хорош.

— Надеюсь, — проворчал Следжер. Затем, вздохнув, присел на полукруглую железяку, покосился вниз и рассказал, что это фрагмент зубчатого азродинамического кольца с русской «Венеры». Я тут же вспомнил тусклый цветной снимок. Проработать в условиях ада несколько часов вместо пятнадцати минут! Теперь зубцы потемнели, изъеденные венерианской кислотой... Незнакомый с расценками нового бизнеса, я смутно почувствовал, что Следжер сидит на состоянии.

— А это что?

Кусок ноздреватого шлака, усеянный микрократерами и припорошенный пылью, был заморожен в плоский квадратный стеклянный короб. На узкой боковой грани — изящная медная пластина: «Здесь не ступала нога человека».

Следжер отмахнулся:

— Шутка. Но действительно — нога не ступала. Грунт с безымянного астероида.

— Забавно. Продай.

— Дарю. Аванс за станцию «Мир».

— Спасибо.

Потом он сказал:

— Слушай дальше, Фоб. Лет десять назад удешевление технологии сделало доступным независимый гравитационный привод. Началась эпоха частных планетолетов. Первые туристические рейсы на «Шаттлах» и «Союзах» в двадцатом веке были дешевле раз в десять. Пришедшие им на смену еще более дешевые суборбитальные подпрыгивания на космопланах в мезосферу я даже не учитываю. Наша «Тайм спэйс сенчури» выиграла тендер на производство. В результате этого несколько десятков новейших аппаратов уже пылятся в частных ангарах среди «роллс-ройсов». Почему? Владельцам не хватает фантазии. Наняв из отряда астронавтов пилота и штурмана, они осмеливаются лишь повторить легендарные высадки на Луну и Марс, о чем газеты потом будут писать целый год, словно это подвиг какой-то!.. Был, правда, смельчак — сын главы компании «Шеврон». Он в одиночку пролетел сквозь кольца Сатурна. Этот случай меня настрожил. Ты, Фоб, попал в точку насчет прав собственности. Через пару лет цены на привод снизятся и в космос попрутся вовсе не ленивые богатые бездельники, а незакомплексованные авантюристы. Все значительные артефакты космической эры исчезнут в частных коллекциях или переберутся в музеи. Я многое успел сделать, но упустил главное.

— Что же случилось? — спросил я. — Мне сказали, ты взял отпуск аж за несколько лет и отправился в архаичную кругосветку под парусом.

— Не взял с собой даже телефона, — добавил Следжер.

— Да, трубку никто не брал, — подтвердил я.

Тут Следжер поднялся и вышел из зала. А вернувшись, поставил между нами постаментик с экспонатом в виде маленькой зеленой сферы. Она состояла из зеленоватых прозрачных сегментов и еле приметно искрилась внутри.

Я смотрел, Следжер продолжил задумчиво:

— Главным экспонатом моей коллекции должен был стать «Пионер-10», но не весь, а позолоченная алюминиевая пластина с посланием для инопланетян. Ты понимаешь, в чем уникальность этого аппарата?

— Ну да. Он первый, созданный людьми, который...

— ...пересек пояс астероидов, первым вышел за пределы Солнечной системы. Такой товар выставлять на Сотбис нельзя, но у меня есть клиент, готовый заплатить за пластину не просто большие деньги.

— Понимаю. Однако за эти годы «Пионер»...

— Да, отдалился от Земли на невероятное расстояние. Сделав расчеты, я убедился, что едва успеваю догнать аппарат в точке возврата планетолета — ведь прошло семьдесят лет. Форсированный «Мистраль» был забит многократно дублированными системами регенерации, сублимированной пищей, а снаружи увешан баками с хи-

мическим топливом. Все это на случай, если откажет джи-драйв и придется ползти домой на ионных двигателях.

— С ума сошел! Сколько на это ушло бы времени?

— Пятнадцать лет.

— Смысл? Проще вызвать по радио помощь.

— Исключено. Я должен был во что бы то ни стало доставить платину. Цена того стоила. Вызови я помощь, обязательно нашелся бы умник, который заметил бы схожесть моего курса с «Пионером». Ведь «Пионер» — это легенда нашей цивилизации, и вряд ли НАСА забыло о нем.

— Да уж, — согласился я.

— Риск был велик. Технология сверхдальних полетов не отлажена. И выходит, мне первому предстояло покинуть Солнечную систему и выйти в межзвездное пространство.

— Да, это впечатляет.

Следжер понимающе кивнул в ответ и продолжил:

— «Пионер» уже полвека не подавал сигналы, — видимо, изотопная батарея сдохла. Два месяца я шел среди звезд с постоянным ускорением. Признаюсь, это было откровением. Звезды были везде, даже под ногами — стоило выключить свет на борту. Солнце быстро уменьшалось и в конце концов пропало. Впервые я по-настоящему был один. Вообще один, понимаешь?

Мне оставалось только промолчать.

— Потом я два месяца тормозил. И вдруг радар зафиксировал впереди искорку металла. За семьдесят лет ничто не сбilo станцию с курса на Альдебаран, который она достигнет через два миллиона лет!.. Фары моего «Мистрала» осветили «Пионер» — потемневший, обглоданный пустотой и галактическим ветром. Теперь мы вдвоем мчались прочь от Земли. Я пристегнулся к кораблю стальной тросом и осторожно полетел к «Пионеру». Признаюсь, стало жутко. Нельзя сказать, что я был далеко от Земли — я был нигде.

Проговорив это, Следжер торопливо опрокинул себе в рот содержимое бокала целиком.

— Дальше? Я посветил фонариком — борт «Пионера» оказался взломан. Позолоченный прямоугольник исчез. Я долго разглядывал оборванные провода и лохмотья фольги и не сразу заметил это. Это! — Он перевел взгляд на водянисто-зеленый шарик, искрящийся изнутри. — Схватил его и ломанулся к себе на «Мистраль». Потому что пора было уносить ноги. Я не собирался лететь к Альдебарану.

— И что? Какой-нибудь датчик? — хмыкнул я.

— Этой детали не было в конструкции.

— Значит, кто-то опередил тебя.

— Но ни один планетолет не покидал Солнечную систему!

— Это точно?

— Стопроцентно! Потому что все шло через нас, даже... э-э, левые сборки. Впрочем, это не мое дело.

Мы наклонились к маленькой сфере. Зеленая глубина тихо мерцала, и искорки текли от поверхности к центру.

— Ты думаешь, что?.. — прошептал я.

Следжер повел плечами и ответил еле слышно, гипнотизируя взглядом зеленый шарик:

— Не стыкуется. Зачем им оставлять артефакт в месте, вероятность посещения которого человеком не больше одной миллиардной? Одной миллионной от одной миллиардной.

— Но ты же там оказался, — возразил я. И задумался. Выпитый коньяк тому способствовал. Так прошло несколько минут.

— И что? — наконец подал голос Следжер. — Придумал? Говори. Я помню, ты еще в школе под партией читал фикшнс.

— Когда это было!

— Странно, что я работаю ближе к звездам, чем ты.

— Бизнесу все равно.

— Это верно, — кивнул Следжер. — Итак?

Но в этот момент за окнами потемнело. Казалось, небо задернуло гигантской шторой. Пол и стены сотрясла мелкая дрожь, и тяжелые экспонаты с тоскливым скрипом сдвинулись со своих мест,

а легкие, подпрыгивая, скатились с постаментов и подиумов. Следжер беспомощно огляделся.

Однако шторы в небесах резко отдернули, и тут же солнце снова ударило в занавешанные окна. Снаружи донеслось удаляющееся раскатистое эхо. Следжер вскочил и стал прислушиваться. Потом прохрипел:

— Это в ангаре! — И пулей вылетел из зала.

Не без труда (в голове шумело) мне удалось последовать за ним. Зрелище оказалось не для слабонервных.

Приземистый гараж-ангар, где вице-президент ТСС держал свои ездящие-плавающие-летающие игрушки, был разворочен прямым попаданием в крышу. Станным попаданием: ни гари, ни разлетевшихся кусков армированного бетона. Кто-то аккуратно вырвал из крыши огромный круглый кусок. Сквозь пролом блестели помятые борта «роллс-ройсов» и «хаймаунтов». Видеокамеры внешней системы охраны были не в себе: похоже, ведающий ими электронный мозг явно не понимал, как и куда исчезла часть крыши.

Но и это не все. Под дырой на полу образовалась свободная площадка с оборванными кабелями и шлангами по окружности. Вероятно, еще недавно здесь стояло что-то округлое и большое. Кабели искрились; что-то с хлопьями лилось из шлангов, и шипя вырывались плотные белые клубы измороси.

— «Мистраль»! — упавшим голосом произнес Следжер.

— Вызовешь полицию? — спросил я.

— Ты с ума сошел! Они же обшарят весь особняк.

И тут мне что-то показалось.

— Что это там?

Некоторое время мы всматривались в шевелящиеся клубы. Змея в металлической оплетке с рассерженным шипением метнулась в сторону, и пар рассеялся. На каменных плитах посреди темной маслянистой лужи в лучах солнца сиял низкий полупрозрачный цилиндр размером с хороший жернов. Его голубоватая толща тихо мерцала, причем очень знакомо. Мы переглянулись.

Притихший Следжер пощелкал тумблерами на распределительном щите. Треск и шипение смолкли. Из-за огромной дыры в потолке здесь, в ангаре, было тепло и солнечно, как на лужайке.

Усевшись на скользкое крыло «роллс-ройса», Следжер рукавом смахнул бетонную крошку с мятого капота и мрачно произнес:

— Ну?

Похоже, он подсчитывал убытки.

Я несколько раз обошел голубоватую глыбу, напоминавшую обточенный на станке кусок морского льда.

— Чужой мир не более фантастичен, чем наш. Везде во Вселенной мы наверняка найдем колесо или лестницу — обычную, со ступеньками, или дверь на двух петлях.

Следжер проворчал:

— Фоб, ты точно больше не ездешь на конях? Какая дверь на петлях?

— Не езжу, нету времени. Осталась привычка рассуждать. Поэтому закончу мысль: а еще мы найдем там страсти и пороки.

Он лишь тяжело вздохнул:

— Знаешь, сколько стоит планетолет?

— А сколько стоит эта штука?

— А... черт тебя побери! — ахнул Следжер.

Он больше не сводил глаз с прозрачного жернова и, похоже, теперь подсчитывал прибыль.

Я усмехнулся:

— Ты просил гипотезу? Изволь. В этой истории есть повторяющиеся моменты. А за повторами должна стоять система. Очевидно, страсть к коллекционированию не есть привилегия человечества. Если бы ты мог, то стал бы коллекционировать уникальные космические машины чужих цивилизаций? А что? Как смотришь на возможность поставить на подиум первый в галактике аппарат, вернувшийся из погружения в черную дыру?

Я ждал. И тут глаза Следжера округлились.

— Очень может быть... Конечно, Фоб! «Пионер» такому экземпляру в подметки не годится!

Это было ясно, но вот что хотелось узнать:

— Почему они не вступают в официальный контакт с человечеством?

— И почему он не уволок «Пионер» целиком? — как бы вторя мне, пробормотал Следжер.

Я раздумывал с полминуты:

— Ладно, держи версию. Эта горошина навела на твой планетолет. А «Пионер» можно выловить и после.

— Ловко! — явно огорчился Следжер. — Вот проходимцы!

— Повторяю: твой «Мистраль» — вещь уникальная, второго такого уже не будет никогда, как и второго «Пионера-10».

— Негодяи!.. Или негодяй! Он украл мою идею!

Я пожал плечами:

— А вдруг он совершил равноценный обмен? Что мы знаем об инопланетной этике? Что за безделушки оставлены тебе взамен? Не удивлюсь, если окажется, что зеленый шарик — нечто вроде нашей золотой пластины с посланием. А эта штука, — я кивнул на жернов, — нечто для перемещения в пространстве. Потомок джи-драйва, а?

С благоговейным ужасом Следжер посмотрел на огромную полупрозрачную шайбу, или жернов, как угодно.

— Что ты предлагаешь? — проговорил он хрипло.

— Организуй экспертизу артефактов. Ну, легенду их появления ты, не сомневаюсь, сам сочинишь. Или тебе помочь?.. Думаю, этот мячик дороже всей твоей космической коллекции. Что уж говорить про сей предмет! — И я опять кивнул на жернов. — Впрочем, я могу ошибаться. Только версия.

— Нет! Пусть все будет так, как ты сказал. — Следжер схватил трубку телефона: — Лаборатория? Срочный заказ!

Звезды привычно мерцают в лобовом стекле. Много я повидал их за прошедшие десять лет так же близко, как наше Солнце...

Положительная экспертиза артефактов развязала нам со Следжером руки, открыла многие двери. Еще бы! Ведь на Землю попали настоящие предметы из чужого мира, а не расфокусированные видеокдры, снятые дрожащей рукой. Когда это стало ясно, Следжер сразу ушел из своей «Тайм спейс сенчури», а я продал «Дип си абисс».

В нашей новой фирме Следжер занимается тактикой, я — стратегией.

Попутно Следжер основал музей «Истории освоения космоса», выставив там свои уникальные экспонаты. Под возможность изучать взеземные артефакты ему простили все нарушения прав собственности. Залы забиты раритетами начала космической эры, ну а посетителей — не протолкнешься.

Изучение «зеленой сферы» позволило сделать гигантский рывок в сверхкомпактном хранении информации. Полупрозрачный цилиндр действительно оказался приводом, опередившим джи-драйв на сотню поколений. Несколько фирм безуспешно пытаются повторить его конструкцию.

Наивные ученые искренне считают, что десять лет назад, во время продолжительного отпуска, Следжер наткнулся в поясе астероидов на два взеземных артефакта — «сферу» и «цилиндр» — и что больше ничего инопланетного на Земле нет. Да будет так — мы строго выполняем условия договора с галактической Гильдией коллекционеров.

К своему музею Следжер быстро охладил после первого же посещения съезда участников Гильдии в системе Мицара. Вернувшись, он передал музейное хозяйство сыну. И все же одно не дает ему покоя: в коллекции нет первого, русского, спутника Земли. Считается, что он сгорел в атмосфере. На самом деле известно лишь то, что он пропал с экранов радаров. Поэтому мы подключили к работе с несговорчивым владельцем раритета лучших юристов в нашей ветви Галактики — парней с Омикрона Рыси. Они обязательно что-нибудь придумают. А заодно мы разберемся, кто в конце XX века сверх квоты завладел аппаратами нескольких марсианских экспедиций. Думаю, это были «черные» коллекционеры, похитившие объекты с нарушением принципа Гильдии: «Если нельзя, но очень хочется — оставь равноценную замену»...

Я поставил бокал в специальную выемку на пульте и повернулся к двери:

— Ты скоро?

Следжер пытел в салоне, двигая поющие вазы с Мизенеры. Так он добивался особого созвучия. По мне, они в любом расположении поют божественно. Это не вазы, а полые псевдоживые кристаллы, в голос тоскующие по своей кристаллической родине.

Тренькнул телефон. Я развернулся вместе с креслом, забросил ноги на пульт.

— Да! Добрый. Как договаривались. Все правильно, у нас есть такой каталог — без указания цен. Не имеет значения? Очень хорошо, мистер Нордкап! Работать с вами — удовольствие. Считайте, что статуя бога насекомых уже у вас в руках.

Теперь надо свериться со списком. Двенадцать позиций, две недели полетов в пределах пятидесяти световых лет. Забрать товар с пяти планет, передать на три. Две планеты — изоляты вроде Земли, гордо считающие себя одиночками во Вселенной. Гильдия не заинтересована в официальных контактах цивилизаций, и ясно почему: наш рискованный бизнес сразу захиреет под взглядами многочисленных спецслужб...

Тем временем Следжер, сильно сопя (он здорово растолстел) забрался в соседнее кресло и небрежно опустил жирную ладонь на матовый экран — иначе двигатель не включится. Потомок джи-драйва глубоко настроен на Следжера. Никто другой, даже я, поднять корабль не может. В свое время это защитило нас от шантажа, которым по земной привычке азартно занялись политики, военные и предстатели крупного бизнеса.

Я бережно взял в ладонь бокал — неземной аромат! «Амброзия». Место изготовления — система звезды Алголь, выдержка четырьест лет. Не вино, не коньяк — действительно амброзия, на Земле аналогов этому нет. Однако, так и не пригубив, я вернул бокал в углубление на пульте. В спешке такие произведения искусства не пьют.

Поехали? Вот именно. Привычно наблюдаем, как рывком пропадают Солнце и Земля, стремительно синеют звезды по курсу и краснеют за кормой. Поехали...

Наши периодические отлучки из Солнечной системы вызывают самые тяжелые подозрения спецслужб. Пока нам это сходит с рук, но боюсь, и там найдутся люди, в детстве читавшие сайнс фикшн. На этот случай я разработал план под кодовым названием «Следжер и Фоб случайно открывают иную цивилизацию». И нас опять надолго оставят в покое. Правда, из Гильдии выгонят. Не беда! На этот случай у меня есть другой план. Но об этом позже.

А сейчас... Половину времени мы работаем на Гильдию, другую половину — на себя. На Земле сложилась солидная клиентура.

Едва дела пошли в гору, Следжер выкупил у коллекционера с теты Леры позолоченную пластину с «Пионера-10» и прибил ее на двери кабинета. Гвоздями.

Отдыхать мы любим на искусственной планете возле Сириуса Б.

Жаль, что договор с Гильдией не распространяется на наши семьи. Родные за десять лет привыкли, что мы со Следжером часто отъезжаем в скучные командировки в страны третьего мира — будто бы ищем там сырье для производства одноразовой съедобной посуды.

Мы не вступаем в контакты с властями любого ранга. Все места посадок принадлежат Гильдии и надежно защищены от посторонних. Сидеть в неустановленном месте — большой риск. Если этим пренебречь, то, бывает, рождаются легенды о пришельцах. Особенно это актуально на скучающих планетах-изолятах.

Когда-нибудь, конечно, все откроется и наши ксенологи будут в шоке. Я их понимаю. Каково будет узнать, что таинство Первого Контакта отныне и навеки присвоено наглыми и прагматичными коллекционерами-контрабандистами?

